

Фредерик Лебарон

СОЦИОЛОГИЯ ПЬЕРА БУРДЬЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Три аспекта творчества П. Бурдьё придают его «экономической социологии» весьма специфическое измерение, которое не допускает простую редукцию к одному из существующих полюсов поля экономической науки. Прежде всего, акцент на символическом измерении экономических процессов, который позволяет рассматривать их одновременно как «мнения» и как «материальные отношения». Второй аспект: П. Бурдьё придает неоклассической теории особый статус, объясняя ее социальную силу, форму применения и интерпретации, которые может ей дать социология. И наконец, в противоположность экономике, понимаемой как «государственная наука» и исключаяющей политическое рассмотрение своего предмета, чтобы облегчить действие политических эффектов, Бурдьё ведет речь о переоценке роли политических и государственных факторов в социальном конструировании экономики. Это подразумевает, в частности, интеграцию условий производства и социального использования экономической науки непосредственно в ее предмет.

Three main complementary directions give Bourdieu's «economic sociology» a very specific coloration, far from simple reductions to one of the poles of the economics field. First, he lays the stress upon the symbolic aspect of economic life, which relates his sociology directly both to the Weberian and the Durkheimian traditions, but he also concentrates on symbolic domination and struggles, which connects him with Marx. Bourdieu secondly elaborates an original anthropological critique of the dominant economic theory (that is to say neo-classical theory), which he puts at the centre of his theoretical construction and of his scientific method, especially through a dispositional definition of action. He finally reintroduces «politics» and the «state» into the economic object(s), which, in the most recent period of his thought, has led him to a systematic critical analysis of neo-liberalism and the social uses of economics.

1. Основной целью презентации экономической темы в творчестве Пьера Бурдьё и других исследователей из его окружения является желание порвать с представлением, согласно которому экономика в этом творчестве занимает второстепенное место (оставляя главные сюжеты, посвященные образованию, культуре, литературе и т. д.). Напротив, экономическая антропология стала первой областью, в которой развернулась творческая мысль Бурдьё, как об этом свидетельствует наличие в его первой книге «Социология Алжира» главы,

посвященной отношению алжирцев к времени [1], которая станет несколько лет спустя центральной темой его анализа традиционного экономического габитуса и социально-экономических условий, определяющих возможность рационального экономического поведения [2; 3]. Можно даже утверждать, что на протяжении всего своего творческого пути П. Бурдьё не прекращал диалог с экономической теорией, и в первую очередь, с неоклассической теорией, представленной работами Л. Вальраса и В. Парето, которую обычно называют «теорией всеобщего равновесия» (в особенности, кроме уже упомянутых статей и книг, в следующих работах: [4–14]). Его теоретические построения могут интерпретироваться одновременно как эмпирическое опровержение и аналитическое присвоение этой теории, что объясняет настойчивость двойственной экономической критики в адрес идей П. Бурдьё: одним она представляется особой формой неоклассической теории (из-за своего «утилитаризма» и «ортодоксии», см.: [15; 16, р. 2]), другие полагают, что она реактивирует «инакомыслящую» критику (одновременно — или по очереди — в духе К. Маркса и Э. Дюркгейма) методологического индивидуализма и теории рационального актора (в этом случае ее определяют как «детерминистскую», «холистскую» и т. п.).

Три аспекта в творчестве П. Бурдьё придают его «экономической социологии» совершенно особенный характер, который не позволяет отнести ее ни к одному из полюсов экономической науки. Это, во-первых, подчеркнуто символический характер экономических процессов, делающий их в той же степени «фактами представления» (перефразируя Э. Дюркгейма), и «материальными отношениями», говоря словами К. Маркса. Идет ли речь об экономическом устройстве, экономическом господстве или экономической борьбе, необходимо определить саму природу «экономических фактов». Во вторых, П. Бурдьё придает неоклассической теории особый статус, позволяющий понять ее социальное значение, тип использования и интерпретацию, которую может ей дать экономическая социология. Наконец, в отличие от видения экономики как «государственной науки», исключающей политику из своего объекта исследования, дабы эффективнее оказывать политическое влияние, речь идет о переоценке роли политического и государственного факторов в социальном становлении экономики. Это предполагает включение в предмет исследования, конструируемый экономической наукой, условий производства и различных видов социального использования экономики.

Символический характер экономических процессов

Будучи наследником (с этой точки зрения) экономической социологии как Э. Дюркгейма и его последователей, так и М. Вебера (см. [17]), П. Бурдьё обобщает и систематизирует идею о том, что любой экономический феномен должен заключать в себе символический момент. Не существует радикального различия между представлениями и интересами, между символическим и материальным, между ментальными и экономическими структурами. В своей последней работе «Социальные структуры экономики» [12] он обращается к понятию «тотальный социальный факт», предложенному Марселем Моссом, чтобы оспорить утверждение, согласно которому автономизация экономического поля должна привести к представлению, что экономическое устройство радикально отличается от остального социального мира. Следует «мыслить любой тип действия, даже тот, что кажется очевидно и строго “экономическим”, как “тотальный социальный факт” Марселя Мосса» [12, р.11].

Определение основного закона (*nomos*) экономического порядка (*cosmos*) позволяет уточнить этот пункт. Существование экономического поля есть результат процесса автономизации, который привел к тому, что экономическая логика получила тавтологическое определение: «бизнес есть бизнес», как, впрочем, обстояло дело и со всеми остальными полями [9]. Этот процесс, родственному процессу «вычленения», проанализированному К. Поланьи [18], завершился автономизацией некоего порядка социальной реальности,

экономического устройства, выделив определенный *illusio*, веру в ценность игры, некую форму *libido* — особой энергии, которая заставляет экономических актеров, кем бы они ни были, максимизировать свой выигрыш (представляемый обычно как индивидуальный* денежный выигрыш). Распространение этого *illusio* есть результат долгого и противоречивого процесса, в котором государство сыграло решающую роль, обеспечив денежную унификацию и фискальную монополию [20], главным образом, благодаря созданию относительно стабильного пространства обмена и денежного обращения [12; 17; 20; 21]. Но более глубокое единство экономического поля связано с тем фактом, что экономические агенты участвуют в одной и той же игре, добиваются одной и той же цели и т. д. Рациональный экономический этос стремится к повсеместному распространению и универсализации, но лишь при определенных экономических условиях, как это было показано на примере Кабилии [3, с. 83–116]. В ходе одного исторического процесса появляются социальные институты и типы действий, относящиеся к «современному» капиталистическому устройству: кредит под процент, банковские услуги, бухгалтерский учет, противопоставление труд/отдых в его «современной» форме, наемный труд и т. д. Параллельно развиваются диспозиции к расчету, предвидению, накоплению, сбережению и т. п., которые связаны с «нормальным» функционированием этого порядка и предполагают наличие минимальных капиталов (экономических, культурных, социальных). Наконец, существование антиэкономических кругов, т. е. пространств, в которых поиск символического капитала связан с отрицанием денежной экономики (артистическое, научное, бюрократическое поля...) показывает, насколько экономический *illusio* является лишь частным случаем включения в социальную игру.

Второй аспект изучения символического характера экономических процессов связан с концепцией экономического господства, разработанной П. Бурдьё. Он отрицает чисто «экономическое» видение эксплуатации и господства, в котором они представлены в марксистской традиции и, в более широком смысле, в разного рода «инакомыслящих» течениях современной экономики. В отношениях господства доминирующий не только присваивает большую часть произведенных благ (примером может послужить марксистская «прибавочная стоимость»), но и заставляет признать саму легитимность господства: он принуждает доминируемого видеть его и окружающую их реальность глазами доминирующего, и это отношение является ключевым в воспроизводстве господства. Наиболее типичными примерами отношений, в которых символический характер господства является решающим для выявления условий его воспроизводства, являются домашняя эксплуатация женщины мужчиной [22], отношения внутри семьи, «патернализм», экономическая неустойчивость [23] и т. д.

В современных сложных экономических устройствах самые простые и грубые отношения господства по-прежнему существуют, но они сопровождаются все более и более изоциренными формами легитимации (например, методы работы и язык менеджеров, речи о заинтересованности работников в прибыли предприятия, о владении работниками акциями предприятия и т. д.). Отношения экономического господства не ограничиваются отношениями между работниками и работодателями, но также включают господство крупных производителей над мелкими, как в случае небольших крестьянских хозяйств в Беарне, которые столкнулись с необходимостью найти свое место на национальном рынке. Обладая наследством, которое они могли бы передать следующему поколению, эти крестьяне

* Видение *homo oeconomicus* как продукта социальной истории и автономизации особого экономического пространства, являющегося предметом в свою очередь автономизировавшихся верований, совпадает также с точкой зрения Франсуа Симиана [19]. См.: [17].

оказались в ситуации, когда социальное воспроизводство стало для них невозможным [24, р. 19–47].

Третий аспект введения символической составляющей в изучение экономических процессов связан с борьбой. Классовая борьба — это не просто конфликты, имеющие отношение к распределению богатств, — это борьба символическая. Классы есть результат политической работы по созданию и унификации, которая осуществляется на базе объективной близости в социальном пространстве [7; 25]. Это позволяет понять национальные особенности образования групп и отношений, связывающих эти группы. В результате образования институционализированных систем «профессиональных отношений» (коллективные соглашения, паритетное управление социальным страхованием и т. д.) социальные категории приобретают официальный характер, усиленный государственной номенклатурой, которая их концентрирует [26].

Внутри пространства предприятий конкурентная борьба также носит символический характер: доминирующее предприятие диктует свои правила игры, свой выбор, свою концепцию продукта и т. п. Все его стратегии направлены на усиление своей позиции и используют все доступные ресурсы, в том числе и ресурсы чисто символические (создание торговой марки и т. д., см.: [12]). Отношение между спросом и предложением включает социальное и практическое «регулирование» в той же степени, что и чисто «экономический механизм» [8; 27]. Поле руководителей также отмечено борьбой между обладателями капитала того или иного типа, в особенности, образовательного [14; 28], связанного с различными социальными траекториями и диспозициями, которые им соответствуют.

Экономическая наука как воплощенный *illusio* экономического поля

Неоклассическая теория является по многим признакам типичным продуктом схоластической мысли [10]: она предполагает, что обычный агент мыслит так же изоэтно и абстрактно, как аналитик, и путает реальность модели и модель реальности. «Действительная рациональность» (рациональность поведения скорее «рассудочного», нежели «разумного») на самом деле далека от логичности, простоты и прозрачности теоретических рассуждений (как, например, идея, согласно которой на рынке труда тот, кто предлагает свой труд, постоянно выбирает между зарплатой и свободным временем, в зависимости от уровня доходов, получаемых в результате работы, и уровня полезности отдыха). Экономическая теория сопровождается воображаемой антропологией, являющейся проекцией практических предположений теоретиков в мир теории, универсализацией их собственных предрасположенностей к расчету и т. п. Видение «рынка», предлагаемое неоклассической теорией, также является стилизацией реально существующих рынков, предполагающей, что социально-экономические условия возникновения рынка (развитие вкуса к тому или иному продукту, появление институтов и агентов, способных предоставить этот продукт, разработка системы правил обмена и конкурентной борьбы, в частности, государственной властью, установление механизма становления цен и т. д. [10]) уже имеют место.

Но если бы неоклассическая теория сводилась к схоластической ошибке или даже к «идеальному типу», плохо адаптированному для интерпретации действительности, более реалистические теории (например, понятие «ограниченной рациональности» Герберта Саймона, институциональная теория рынка, разработанная Т.Б. Вебленом, и т. д.) давно бы уже заняли ее место. Однако ее позиция никогда еще не была настолько сильной, особенно в Соединенных Штатах. Основной причиной этого видимого «успеха» является тот факт, что неоклассическая экономическая теория есть воплощение, научная рационализация *illusio* экономического поля, чья власть тем более сильна в обществе, чем более этот *illusio* там распространен. Экономический *illusio* может быть определен как более или менее четко

сформулированная вера в необходимость максимизировать свой денежный выигрыш. Неоклассическая теория является ошибочной в той мере, в какой она предполагает у акторов поведение, которое для них невозможно. В действительности «рациональность» социальных агентов скорее ближе к «рассудку», чем к «чистому разуму», а действия опираются на практическое чувство — неопределенное чувство ориентации в социальном мире, изменяющееся и регулируемое. Тем не менее, «истинность» неоклассической теории заключается в том, что по сути своей она достаточно верно передает в схоластической форме особый *illutio* экономического поля. Она его «укрепляет», «формализует», «отделяя» «экономическую» рациональность от любой другой логики, с которой она всегда крепко связана. Таким образом, неоклассическая теория формулирует гипотезу существования актора, полностью отдающего себе отчет в своих действиях, целях, предпочтениях, выборе. Она радикализирует имплицитное видение картины, объединяющей действия акторов и стремящейся, в наиболее «рациональных» областях, приблизиться к подобному идеальному типу. Однако идеальный тип никогда не может в полной мере осуществиться в социальной действительности. Здесь становится отчетливо видна чисто нормативная функция экономической науки, о которой говорил Ф. Симиан: она участвует в общей работе по подчинению социального устройства доминирующей логике экономического пространства.

Ориентация в системе образования, «выбор», есть на самом деле скорее результат предрасположенности к той или иной ориентации, продукт различных форм имеющегося капитала, нежели рациональности, формальной или инструментальной, даже если они всегда представляются более или менее «разумными». Если взять за точку отсчета дифференциацию «целей» в зависимости от социальных групп, применение рационального расчета, казалось бы, позволяет предсказать феномен отсеивания в зависимости от социального происхождения. Однако именно эту разницу диспозиций, связанную с возможным будущим представителей того или иного класса, необходимо объяснить с социологической точки зрения. В противном случае придется признать естественность социальных различий, приравнять или редуцировать их к существующим испокон веков биологическим различиям. Гипотетико-дедуктивные построения неоклассической теории кажутся соблазнительными только потому, что она идет по кругу, включая в параметры модели (например, модели системы предпочтений) варианты того, что нужно объяснить. Если результаты — предсказательная способность — отнюдь не всегда абсурдны*, то это не означает, тем не менее, что данная теория «объяснила» что бы то ни было.

П. Бурдьё разработал диспозиционную концепцию практик, в которой выбор и действия всегда прямо зависят одновременно от предшествующих социальных условий (формирование вкусов, наклонностей, привычек и т. д.) и от практического отношения к будущему, практического предвидения (того, что необходимо сделать, сказать, какую позицию занять и т. д.). Чтобы объяснить реальные действия, следует систематически переоценивать место, которое занимает в них неопределенное, неясное.

Эта оппозиция по отношению к неоклассической теории сопровождается критикой более широкого плана по адресу методов с использованием математического моделирования [29]. Идея построения простых моделей, которые затем эконометрически «проверяются», является менее интересной по сравнению с исследованием всего объема взаимоотношений внутри того или иного социального пространства, проведенного с помощью методов анализа данных. Для П. Бурдьё речь не идет о том, чтобы а priori отказаться, например, от техники регрессии. Просто для него более «естественным» представляется включить математическую технику в процесс построения и интерпретации геометрических пространств, созданных с

* Именно это «рационализирует» «инструментальная» концепция экономики, разработанная Милтоном Фридманом и его последователями.

целью объяснения комплексной дифференциации социального мира. Так называемые качественные методы (интервью, наблюдение, контент-анализ) являются, следуя этой логике, более адекватными инструментами объяснения действительного функционирования экономических институтов, рынков и т. д., по сравнению с построением априорных моделей.

Включение политического фактора в объект экономики

Одним из важных результатов исследования, посвященного домам индивидуальной застройки, проведенного в 1980-х годах [8; 12] является выявление решающей роли политического фактора и политической борьбы в процессе становления рынка. Закон о «персональной помощи» через механизм предпочтительного кредита позволил представителям низших и средних классов получить доступ к индивидуальной собственности. Государство не ограничивается регламентацией рынка, оно его строит, организует, определяет его структуру и функции. Делая это, государство с большей или меньшей степенью необратимости изменяет процесс экономического развития. Здесь примером может послужить феномен так называемой *path dependency*. Сегодня «метагосударства» (такие, как Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирный банк и т. д.) являются теми, кто наиболее активно работает над объединением мирового рынка благ и услуг и над проистекающим отсюда изменением социально-экономических структур. Государство есть следствие огромной концентрации капитала, в особенности капитала символического, и продукт зарождения особой формы интереса: интереса к незаинтересованности [9]. Оно является пространством борьбы зачастую противоположных сил, одни из которых более благосклонны по отношению к обладателям экономического капитала, другие — по отношению к неимущим. Противопоставление между «правой» и «левой рукой» государства позволяет понять социальное основание борьбы внутри бюрократического поля, и, в случае Франции, пересмотр «крупной государственной знатю» в 1980-х гг. условий труда и существования «малой государственной знати».

2. Экономическая наука принимает непосредственное участие в социальном построении экономики. Например, «эффект теории» позволяет понять, что марксизм — это, в первую очередь, действенная социальная сила, которая подвергла глубоким изменениям саму структуру общественных отношений, видоизменяя отношения господства и условия существования социальных групп, способствуя построению самой идеи «рабочего класса» [7]. Государственная экономическая статистика является решающим элементом в построении современных государств: она одновременно выполняет функции конструирования реальности, предвидения и легитимации, в особенности легитимации той или иной экономической политики. Как мы помним, экономическая наука неотделима от экономического *illusio*. Она не является автономной конструкцией, лишенной какой-либо связи с социальным миром, в котором она появилась на свет. Фикция такой автономии поддерживается общей системой производства и воспроизводства представлений, начиная с наиболее теоретических и заканчивая непосредственно практическими и «идеологическими» [30]. Победа неолиберализма является результатом социальной работы по производству и распространению интеллектуальной продукции, где поле экономистов занимает видное место [31–33].

Пересматривая роль политических факторов в социальном построении экономики, П. Бурдьё ставит под сомнение господствующее ныне представление о том, что развивающийся процесс «глобализации» является неизбежным и естественным. Социология экономики оспаривает неизбежность экономического порядка, не забывая выявлять его вес и силу инерции, чьи начала заложены в экономических габитусах и системах представлений, с ними связанных.

Таким образом, «социология экономики» Пьера Бурдьё является радикальным переосмыслением экономического порядка как относительно автономного пространства внутри социального мира, переосмыслением, использующим, в том числе, инструменты анализа, заимствованные из экономической теории, но применяемые не нормативно и схоластически, а во имя создания действительно всеобъемлющей экономической науки.

Перевод с французского Т.В. Анисимовой

Литература

1. Bourdieu P. Sociologie de l'Algérie. Paris: P.U.F., 1958.
2. Bourdieu P. La société traditionnelle // Sociologie du travail. 1963. № 1. P. 22–44.
3. Bourdieu P. Algérie 60. Structures économiques et structures temporelles. Paris: Minuit, 1977.
4. Bourdieu P. Le Marché des biens symboliques // L'Année sociologique. 1971. № 22. P. 49–126.
5. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. Genève: Droz, 1972.
6. Bourdieu P. Avenir de classe et causalité du probable // Revue française de sociologie. 1974. Vol. 15. № 1. P. 3–42.
7. Bourdieu P. Espace social et genèse des classes // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. № 52/53. P. 3–14.
8. Bourdieu P., Bouhedja S., Christin R., Givry C. Un placement de père de famille. La maison individuelle: spécificité du produit et logique du champ de reproduction // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990. № 81/82. P. 6–33.
9. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action. Paris: Seuil, 1994.
10. Bourdieu P. Le Champ économique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. № 119. P. 48–65.
11. Bourdieu P. Contre-feux. Propos pour servir à la résistance contre l'invasion néolibérale. Paris: Liber/Raisons d'agir, 1998.
12. Bourdieu P. Les structures sociales de l'économie. Paris: Seuil, 2000.
13. Bourdieu P., Darbel A., Rivet J.-P., Seibel C. Travail et travailleurs en Algérie. Paris—La Haye: Mouton, 1963.
14. Bourdieu P., Saint-Martin de M. Le Patronat // Actes de la recherche en sciences sociales. 1978. № 20–21. P. 3–82.
15. Caillé A. La Sociologie de l'intérêt est-elle intéressante? // Sociologie du travail. 1981. Vol. 23. № 3. P. 257–274.
16. Favereau E. Sida, un relèvement qui fait peur // Libération. 2000. № 6035. 11 octobre.
17. Gislain J.-J., Steiner P. La sociologie économique. 1890–1920. Paris: P.U.F., 1995.
18. Polanyi K. La Grande transformation. Paris: Larousse, 1944.
19. Simiand F. Le Salaire, l'évolution sociale et la monnaie. Essai de théorie expérimentale du salaire. Paris: Alcan, 1932.
20. Elias N. La dynamique de l'Occident. Paris: Seuil, 1991.
21. Heilbron J. Economic Sociology in France // Economic Sociology. European Electronic Newsletter. 1999. Vol 1. № 1.
22. Bourdieu P. La domination masculine. Paris: Seuil, 1998.
23. Pialoux M. Jeunes sans avenir et travail intérimaire // Actes de la recherche en sciences sociales. 1979. № 26/27. P. 19–47.
24. Bourdieu P. Reproduction interdite. La dimension symbolique de la domination économique // Etudes rurales. 1989. № 113/114. P. 15–36.
25. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Minuit, 1979.
26. Boltanski L. Les Cadres. La formation d'un groupe social. Paris: Minuit, 1982.

27. Bourdieu P., Boltanski L., Castel R., Chamboredon J.-C. Un Art moyen. Essai sur les usages sociaux de la photographie. Paris: Minuit, 1965.
28. Bourdieu P. La Noblesse d'Etat. Grandes écoles et esprit de corps. Paris: Minuit, 1989.
29. Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C. Le Métier de sociologue. Préalables épistémologiques. Paris—La Haye: Mouton, 1973.
30. Bourdieu P., Boltanski L. Le Titre et le poste: rapports entre le système de production et le système de reproduction // Actes de la recherche en sciences sociales. 1975. № 2. P. 95–107.
31. Dezalay Y., Garth B. Le «Washington consensus». Contribution à une sociologie de l'hégémonie du néolibéralisme // Actes de la recherche en sciences sociales. 1998. № 121/122. P. 3–22.
32. Dixon K. Les Évangélistes du marché. Les intellectuels britanniques et le néolibéralisme. Paris: Liber/Raisons d'agir, 1998.
33. Lebaron F. La Croyance économique. Les économistes entre science et politique. Paris: Seuil, 2000.

Дополнительная литература

- Cordonnier L. Pas de pitié pour les gueux. Paris: Raisons d'agir, 2000.
- Rouanet H., Le Roux B. Analyse des données multidimensionnelles. Paris: Dunod, 1993.
- Sayad A. L'Immigration ou les paradoxes de l'altérité. Bruxelles: De Boeck, 1991.
- Steiner P. La sociologie économique. Paris: La Découverte, 1999.
- The handbook of economic sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press/Russell Sage Foundation, 1994.